



РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

Саблин В.А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917–1920) / В.А. Саблин. – Москва: Academia, 2009. – 432 с.

В 2009 г. увидела свет монография российского исследователя В.А. Саблина, посвященная развитию крестьянского хозяйства Европейского Севера России в период революции и нэпа 1917–1920-х годов.

В своем анализе проблемы автор исходит из положения о том, что институционализация нового общественного строя укрепила положение двора в качестве ведущего объекта государственной политики и главного субъекта аграрной подсистемы региона. В работе подчеркнута, что отказ от политики “непосредственного перехода к социализму” в 1920-х гг. соответствовал интересам мелкого производителя и обусловил разнонаправленную эволюцию крестьянских дворов данного региона России. С одной стороны, их архаизацию, с другой стороны, трансформацию патриархальной семьи, мобильность, гарантии землепользования, легализацию рынка труда и товаров, аренды, реализацию модернизационного потенциала, характер связей с народнохозяйственным механизмом, раскрестьянивание.

Анализируя производственные параметры двора на протяжении 1917–1920-х гг., В.А. Саблин отмечает, что ведущим фактором крестьянского производства оставалась обеспеченность двора рабочей силой. Демографическая ситуация в северной деревне характеризовалась последовательным увеличением крестьянского населения и опережающим ростом крестьянских дворов, что в конечном итоге содействовало расширению рамок аграрного перенаселения. Это, по мнению автора, находило проявление в росте избыточного труда, снижении его затрат на свое хозяйство, расширенном расходовании труда вне производства двора и снижении возможностей применения найма рабочих рук в крестьянском хозяйстве. Труд наемных работников имел большее значение в производственной деятельности слабых и средних крестьянских дворов, чем крупных. Распространение найма в данном типе дворов отражало еще одну, присущую только Европейскому Северу черту крестьянской экономики. По мере того, как восстанавливались условия для развития промыслов, суливших хозяйству больший доход, чем сельское хозяйство, крестьяне использовали свои рабочие силы на отхожих заработках, нанимая батраков для сезонных работ в собственном хозяйстве или сдавая землю в аренду. В конечном итоге отношения найма-сдачи рабочей силы вплоть до конца 1920-х гг. не достигли довоенного уровня и в своей основе сохранялись на уровне традиционного найма “из нужды”.

Рассматривая вопросы эксплуатации земли, как важнейшей основы жизнедеятельности мелкого дворохозяйства В.А. Саблин отмечает, что Закон закреплял такие формы землепользования, как земельные общества, индивидуальное и коллективное землепользование. Специфической для Севера, промежуточной формой между общинным и участковым землепользованием являлись крестьянские “расчистки” и “распашки”, которые регулировались нормами обычного права и рассматривались крестьянами как неотъемлемая собственность двора. В распоряжении крестьян-общинников в 1920-е гг. было сосредоточено 96,3% сельскохозяйственных угодий. Внутренний строй всех субъектов землепользования подчинялся логике крестьянского общинного производства. Деревня

не избавилась от вековых земельных неурядиц, органически присущих общинной форме землепользования, – дальнотемелья, межселенной и внутриселенной мелкополосицы и чересполосицы. В северных уездах края, ближе к Белому морю, по мере увеличения числа хозяйств шел процесс измельчания пашни, что приводило к перестройке структуры посевных площадей в пользу продовольственных культур. При низкой урожайности полеводство в этих районах к концу 1920-х гг. окончательно приобрело подсобный характер, служа целям обеспечения продовольствием членов семьи, занятых в массе своей вне сферы аграрного производства. В свою очередь, подвижки в распределении скота по посевным группам хозяйств выразились в снижении обеспеченностью скотом беспосевных и малопосевных дворов и увеличении количества скота в средних и высших посевных группах. В большинстве дворов содержалась одна корова и одна лошадь, что соответствовало характеру мелкотоварного, а не предпринимательского хозяйства.

Пережив период резкого сокращения в ходе революции, некоторый импульс к развитию во второй половине 1920-х гг. получили отношения аренды-сдачи земли; однако их уровень значительно уступал дореволюционному времени. Возродилась практика сдачи всей или части земли в аренду уходившими на заработки промысловыми дворами. Аренда носила по преимуществу внутриселенный характер. Формировалась группа дворов, которые имели земельный надел, превышавший средние районные показатели, но при этом стремились посредством аренды расширить свое землепользование. В роли сдатчиков земли выступала небольшая часть представителей низших групп дворов. Арендные сделки носили неустойчивый, эпизодический характер и сохраняли в основе своей потребительский характер.

Все выше сказанное приводит автора к выводу о том, что до конца 1920-х гг. система поземельных отношений в регионе, равно как и отношения аренды-сдачи земли не выходили за рамки традиционных, устоявшихся форм, обеспечивая жизнедеятельность натурального в своих основах крестьянского хозяйства.

Анализирую “модернизационный” потенциал крестьянского двора, автор отмечает, что с середины 1920-х гг. создаются предпосылки для расширенного приложения крестьянского труда в промышленности и получения промыслового дохода. Одновременно нарастают тенденции коммерциализации сельскохозяйственной сферы. Проявляет себя процесс “эрозии” потребительского хозяйства, завершается формирование группировочных признаков промыслово-аграрных и сельскохозяйственно-промысловых дворов крестьян: механизмов формирования дохода, соотношения основных элементов хозяйства с капиталом и фондовооруженностью труда и эффективности материальных вложений в основное производство.

Следует согласиться с мнением автора о том, что разновекторная эволюция сельского двора отражала специфику ранней стадии промышленной индустриализации второй половины 1920-х гг., создавала условия постепенного раскрестьянивания деревни. Низкий уровень обеспечения крестьянского двора капиталом оказывал определяющее влияние на производственную деятельность двора и формирование его дохода. В мелких дворах (с посевом до 2,0 дес.) доход от неземледельческих занятий в совокупности превышал доход от сельского хозяйства, тогда как в наивысших посевных группах основу доходности двора составляло свое сельское хозяйство. Повышенной динамикой накоплений капитала отличались как мелкие, так и крупные дворы, но объем накоплений крупных хозяйств значительно превышал фонд накопления средств производства мелких дворов, поэтому главным центром развития деревенской экономики являлись более крупные хозяйства.

Важное место в монографии отведено связям крестьянского хозяйства с внешним миром, которые реализовывались через механизмы меновых и рыночных отношений, включавших продажу и покупку продуктов сельского хозяйства, фонд натурального накопления, натуральный оборот сельскохозяйственной продукции (в виде платы за работы и услуги) и натуральный налог, имевший место до 1924 г. Более 1/3 товарного продукта, произведенного крестьянскими хозяйствами, сбывалось внутри деревни. Наибольшей связью с внутридеревенским рынком отличались средние дворы. Внедеревенский оборот сельскохозяйственной продукции крестьянского хозяйства на Севере в среднем не

превышал 6,0–7,0%. Специализация хозяйства определяла место рынка в денежном балансе крестьянских дворов.

Автору удалось доказать, что со второй половины 1920-х гг. наметилось снижение товарности сельского хозяйства региона, что являлось свидетельством усиления потребительской основы производства, в особенности промыслово-земледельческих дворов. Денежный доход всех дворов такого типа формировался за счет продажи рабочей силы вне своего хозяйства. В аграрно-промысловых районах почти равную с рынком долю дохода приносили промыслы и продажа труда вне своего сельского хозяйства. Общая низкая товарность сельскохозяйственного производства превращала северного крестьянина в потребителя городских продуктов, в первую очередь, продовольственных товаров.

Вполне логичным в данном контексте выглядит и основной вывод автора о том, что развитие хозяйственных и производственных параметров двора на Европейском Севере России, обладая определенной динамикой, не выходило за рамки традиционной, значительно архаизированной аграрной подсистемы экономики. В относительно крупном по меркам региона крестьянском производстве организация базовых элементов давала значительно больший эффект. Крупные крестьянские хозяйства, права на существование которых власть не признавала, могли составить основу модернизации сельской экономики, но их число было столь незначительно, что не они в конечном итоге определяли общий облик крестьянского производства. К концу 1920-х гг. северная деревня представляла собой огромный массив крестьянских дворов, мало связанных со сферой народнохозяйственных отношений, собственное производство которых сохраняло потребительский характер. Именно на этой традиционной основе сохранялись механизмы самовоспроизводства и самосохранения крестьянского двора.

В заключении нельзя не отметить еще одно достоинство монографии – ее насыщенность статистическим материалом, извлеченным автором из многочисленных архивных и опубликованных источников, а также ее иллюстративный ряд, в совокупности позволяющие глубже понять суть поднимаемых в монографии проблем.

Сергей Корновенко

Разиграєв О.В. Польська державна поліція на Волині у 1919–1926 роках / Олег Володимирович Разиграєв. – Луцьк: ДП “Волинські старожитності”, 2011. – 432 с.

Український історичний процес, поза будь-якими сумнівами, найтісніше переплетений із історією декількох сусідніх країн і народів. У цьому контексті Волинь, як культурне перехрестя України, Білорусі та Польщі є вельми показовим і цікавим із дослідницького погляду регіоном. І в межах національного дискурсу, й поза ним принагідними є політична, економічна, соціальна історія цього краю, минуле та сьогодення духовного та побутового життя волинян.

Монографія Олега Разиграєва дає нам можливість глибше зануритися до мало дослідженої царини стосунків польської влади та її представників із рештою суспільства. Зокрема, йдеться про організацію та діяльність польської державної поліції на теренах тепер української Волині у період становлення Другої Речіпосполитої (1919–1926 рр.). У форзаці автор анонсує рецензовану книгу як першу частину його дослідження, що в цілому буде представлено у ширшій хронологічній перспективі (до 1939 року).

Приємно зауважити, що праця Разиграєва характеризується ретельним вивченням історіографічних здобутків польської та української історичної науки (с. 12–34), неймовірно репрезентабельною (якщо порівнювати з іншими сучасними монографіями, виданими за підсумками захисту кандидатської дисертації) джерельною базою роботи (с. 34–57). На жаль, скромний опис теоретико-методологічних засад дослідження (точніше – методів, на с. 9–10) позначився і на пріснуватості тексту монографії, переважно інтеріоризованого з опрацьованих документів та прочитаних авторів. Отже, книга виконана в позитивістському ключі, майже без провокаційних та інтерпретаційних посилів, на які так ласі сьогоденні історики та теоретики історієписання в Центрально-Східній Європі.